

Жадный Канчуга

Удэгейские сказки

Это еще тогда было, когда звери человеческий язык понимали. Тогда тигр с удэгейскими людьми в родстве состоял. Тогда в роду Бисанка тигр желанным гостем был.

Жили Бисанка в верховьях реки Копии. Много их было. Когда все разом говорили – на Анюе слышно было.

Один год очень хорошая охота случилась. Столько охотники соболя, выдры, белки, хорька, колонка, медведя и лисицы добыли, сколько ни разу добыть не могли.

Купцы к Бисанка приехали, все товары продали: а пушнины будто и не убавилось.

Собрались Бисанка на Амур – пушнину свою продавать. Двадцать нарт снарядили. Лучших собачек в стойбище взяли. Лучшую одежду надели. Косы новым красным шнуром оплели. Шапочки из шкурок кабарги с собольими хвостами на головы надели. Белые богдо – повязки – на головы надели. Белые халаты, шелками шитые, белые штаны надели. На нарты сели, ездовыми палками взмахнули, между полозьями их вставили – собакам волю дали.

– Тах-Тах! Поть-поть-поть!

Побежали собаки. Только снег в стороны летит да полозья скрипят.

Бегут собачки, лают. Тот лай услышав, все звери в разные стороны бегут, за деревья, за сугробы прячутся. Несутся собачки, как ветер.

Такие хорошие собачки, что без остановки летят, на ходу юколу глотают...

Через горный хребет перевалили собачки; им все нипочем; горы, реки, распадки – мчат напрямик. На верховья Ануя вышли, потом – на Хор, потом – на Уссури, потом – на Амур. Сколько ехали удэ – кто знает: весело ехали, время не считали!

А в Муллаки на Амуре – торг большой. Народу собралось отовсюду великое множество: нанайцы с Амура; нивхи, одетые в рыбью кожу, с острова; не-гидальцы с Амгуни на собаках; ороконы с далеких пастбищ, в овчинной одежде; ульчи в сохатиных унтах; орочи в оленьих торбасах... Разве всех пересчитаешь!

Торг большой.

Купцов понаехало много: косатые маньчжу, бритые нека с длинными ногтями приехали; с заморских островов купцы в деревянных латах, с двуручными мечами приехали.

Только с купцами черная болезнь приехала. На чем ехала – кто знает! На лодке ли, на оленях ли, пешком ли пришла – не знаю. В чем одета была – не знаю. Только на том большом торге хозяйкой стала.

Сели Бисанка торговать, а тут – беда!

Напала на людей черная болезнь. И стали они умирать. И нанайцы, и негидальцы, и ороконы, и маньчжу, и орочи, и ульчи умирать стали, и охотники, и купцы умирать стали.

Видят люди – плохо дело: смерть ни с кем не торгуется, всех подряд берет. Разбежались люди в разные стороны.

А у Бисанка и бежать некому! Из всех в живых один парень остался, по имени Конга. Приезжал он с братом. А брата взяла черная смерть. Похоронил Конга своих сородичей. Думает: Как брата своего на чужой земле оставлю? Пусть со мной едет. Пусть по обычаю нашему похоронят его. Пусть за всех сородичей перед Хозяином стоит!

Сколотил Конга большой ящик, положил туда брата.

Бросил Конга все товары – не до них тут... Сел на последнюю упряжку, крикнул на собак – и поскорее от проклятого места, домой!

Едет Конга – не оглядывается, от болезней бежит.

А болезнь вместе с братом в ящике лежит...

Сколько ехал Конга – кто знает: сначала на Уссури, потом на Хор, потом на Анюй, потом через горы...

В тех горах каменные поляны были. На тех каменных полянах – тигровое стойбище. В том стойбище тигры жили. К стойбищу многие дороги вели: дороги костями да черепами огорожены.

Подъехал Конга к тигровой дороге.

Стоит на дороге тигр. Увидал Конгу, через спину перекатился, человеком стал, поздоровался, спросил, как торговал Конга, какие новости везет.

Рассказал парень, какая беда случилась, какие плохие новости с собой везет. Покачал головой тигриный человек, говорит:

– Поезжай! Хоронить брата будете – поплакать приду. Твой брат хороший охотник был... – Через спину перекатился, тигром стал, ушел.

Переехал Конгу дорогу. Отсюда и до стойбища недалеко.

Приехал парень. Матери, сородичам рассказал, что с ним случилось. Открыла мать ящик, чтобы попрощаться с телом сына.

Открыла ящик и выпустила болезнь...

Пошла черная смерть по стойбищу гулять.

Поумирали все люди.

Только младший брат да сестра Конги живы остались. Да шаман Канчуга.

Канчуга трусливый да жадный был. Никогда никому не помогал ничем. Увидел он, что кроме него два ребенка остались, подумал:

«Пока смерть уйдет – один я прокормлюсь. Зачем ребятишкам помогать буду? Тогда и мне не хватит».

Закрыл он дверь в юрте Конги, бревнами прижал. Оставил в юрте детей. В свою юрту зашел, закрылся. Сидит и жрет.

Сначала он из юрты не выходил. Потом жадность его обуяла.

«Зачем, – думает Канчуга, – пища в стойбище пропадать будет! Нельзя у мертвых брать – грех большой. Мертвых пищу злые духи стерегут, – говорит себе Канчуга. – Ну да ничего! Их много – я

один. На меня набросятся, друг с другом столкнутся, между собой передерутся, про меня забудут!»

Пошел Канчуга в юртах еду собирать.

Квашеную бруснику, нерпичий жир, соленую черемшу, сохатиное мясо, осетринные брюшки, сарану сушеную, черемуховые лепешки со всего стойбища собрал. Сидит и ест.

А в юрте Конги голодные дети плачут.

Пришел тут к стойбищу тигр. Через спину перекатился, человеком стал. Глядит: не курится дым, не ходят люди, не гремит бубен, не слышно собак – мертвые все лежат. Пришел по брату Конги поплакать, а тут слез не напасешься: столько покойников в стойбище.

Слышит тигриный человек – кто-то в юрте Конги плачет. Дверь открыл. Детей, увидел. На руки взял. По стойбищу пошел, живых искать. Никто на его зов не откликается...

К юрте Канчуги подошел тигриный человек. Дверь дернул – не открывается. А слышно – кто-то возится.

Постучал.

Услыхал Канчуга стук. Подумал, что дети Конги из своей юрты выбрались, пришли, есть просят. Жует Канчуга, давится, полный рот набивает... Едва прожевал, кричит:

– Уходите, не просите: самому есть нечего! Сказал тогда тигриный человек:

– Э-э, Канчуга, ты закон лесных людей забыл: слабому – помоги, голодному – дай, сироту – приюти! Так жили удэ. Так жить будут. Не место тебе, среди простых людей! Три раза ты умирать от страха будешь. Тело твое все меньше становится будет, а жадность – все больше. Так с тобой будет, пока не исчезнешь совсем!

Через спину перекатился, тигром стал. Детей на спину посадил, в тигриное стойбище унес. Говорит своим сородичам:

– Вот дети моего дяди. Кормить их некому... Стали тигры детей кормить. Самые лучшие куски детям отдавали. Стали дети расти. Новое имя детям дали, чтобы черная смерть со старым именем следом не пришла на новое место. Девочку Инга назвали, мальчика – Егда.

Скоро выросли дети.

Инга рукодельницей стала. Егда охотником стал...

Вот время пришло, старый тигр с ними через тигриную дорогу переступил, дорогу простых людей показал, закон рассказал, как жить, чтобы все хорошо было. И в свое стойбище ушел.

А Инга с Егдой пошли к людям.

Мимо стойбища отца прошли. К стойбищу тропинки травой заросли. Егда пучок сухой травы над тропинкой привязал, чтобы мимо шли люди, не останавливаясь. .

Это то, что с детьми было.

А с Канчугой вот что случилось. Когда тигриный человек слово сказал, вытянулся у Канчуги нос, выставились изо рта клыки, на горбу щетина выросла, а на руках и ногах – копыта. Кабаном стал Канчуга. Ростом меньше стал, а жадности у него прибавилось. Сожрал он все, что в юрте было. В тайгу побежал. Роет корни, грызет, молодую траву обгрызает, желуди ищет, жрет, от жадности давится – все наесться не может, хрустит, грызет, а все не сыт. И во сне чавкает, сопит, жует: снятся ему желуди, птичьи потроха и всякая другая еда. Как проснется, так опять за еду, а брюхо – все пустое!

Так в тайге и повстречали Канчугу Инга с Егдой, когда шли от тигровых людей.

Увидел Канчуга брата с сестрой, думает: Съем я их – сытым наконец стану! Бросился он на родичей Конги.

Взмахнул Егда копьём – умер кабан-Канчуга от страха. Через спину перекатился – рысью стал. Пасть раскрыл, зубы оскалил, на Егду бросился, съест его хочет...

Опять взмахнул Егда копьём – и умер от страха рысь-Канчуга. Через спину перекатился – крысой стал. Ростом меньше, а жадности все больше. Красные глаза вытаращил, голым хвостом по земле бьет, зубы свои острые выставил, кинулся на Егду, думает: Вот его съем – сытым стану! Махнул Егда на крысу рукой. Подох от страха в третий раз Канчуга. Через спину перекатился – жуком-древоточцем стал. Таким жуком, которые столетние сосны сжирают, в пыль да труху обращая. Загудел жук, крылья расправил, усами шевелит, ножками сучит. Налетел он на Егду, на лоб сел, рот разевает, думает парня заглотить живьем.

Рассердился тут Егда-парень:

– Коли злости у тебя не убывает и жадности не убавляется, сам себя вини, а не меня – я перед тобой не виноват!

Сказал так и хлопнул себя по лбу.

Только мокрое место от жука осталось.

Пропал совсем жадный Канчуга, пожалевший пищу для детей. От их руки погиб. И никому его не жалко было.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Жадный Канчуга" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)